

КИНО

СТРАНА ОТЦОВ

УВИДЕВ картину «Двадцать дней без войны», критика удивилась: «Как он может так хорошо знать то, чего не может помнить?».

Речь шла о подробностях быта военных лет, если, конечно, допустимо называть подробностями и такие «детали», как стиль, колорит, воздух эпохи.

Речь шла о молодом режиссере Алексее Германе, который, прочитав все это, мысленно произнес: «Ах, так? А что вы на это скажете?». И показал нам быт эпохи довоенной, середины 30-х годов, того, что было до его рождения, не забыв при этом стиль, колорит, воздух эпохи...

Я не знаком с А. Германом и понятия не имею, что он произнес, тем более мысленно, но я видел новую его картину «Мой друг Иван Лапшин» и теперь думаю, что «Ах, так...» он произнести вполне мог.

Середины 30-х не помню и я, но ощущение достоверности вместе со всем зрительным залом, как говорится, ветеранами и молодежью, испытал полное, и теперь, мне кажется, еще раз знаю: память художника больше, невероятнее памяти других людей. Мог же Алексей Толстой помнить красную заплатку под мышкой мальчика эпохи Петра I.

НЕ СРАЗУ понимаешь, кто среди этих сорокалетних мужчин — наш друг Иван Лапшин. Один вдохновенно исполняет единственный вставной номер во всей ленте — «итальянский бомбардировщик над Абиссинией». Другой женат на поповой дочке, и это мешает ему в жизни, а женщина она хорошая. Третий и сам чем-то похож на летчика, только нашего, не то на Чкалова, не то на Громова, — выправкой, сухощавостью, шириной плеч.

Их много на вечеринке, они смеются, разговаривают, «главного» среди них нет, и камера отказывается подсказывать нам, кто он. Она чувствует себя здесь, как дома, не дослушивает реплик, не вглядывается в лица специально и нарочито, и о нас, кажется, забыла: чего там, сами разберетесь.

Мы и разбираемся, несколько ошарашенные этой непринужденностью, но уже чувствуя ее обаяние и даже немного гордые: нас пустили, с нами не «возьются», значит, верят, считают за своих. Лапшин — этот, третий (артист Андрей Болтнев).

Теперь так все и будет. Разбираться нам придется самим, подсказки, конечно, есть, но их еще тоже надо уметь услышать.

Герои не торопятся определиться для нас, им некогда, они заняты жизнью. Попав не на спектакль, а в новый круг людей, вы бы не ждали надписей поперек портретов — «злодей», «герой», «комик», да и что они объясняют, эти надписи, если относятся к живым, меняющимся, незавершенным людям. Вам пришлось бы до всего тут добираться собственными силами, но зато какое ощущение естественности, непринужденности происходящего...

Перед нами не рассказ обо «всей жизни» местного пинкертона, работника милиции Лапшина. Такой рассказ никуда бы не поместился. Нам показывают строго ограниченный эпизод, условно говоря, «приезд Ханина». Приезжий журналист Ханин (Андрей Миронов), его встречают по-дружески, но брать его ловить жуликов Лапшин не хочет — не его это дело. Дальше выясняется, что у Ханина недавно умерла жена, однако он выглядит бодро, весело, даже легкомысленно, но это так, мужество на показ, а вообще-то он в отчаянии и пытается покончить с собой. Лапшин не говорит ему слов утешения, стесняется, должно быть, да и не верит в их пользу, но теперь «ловить жуликов» берет.

Лапшину нравятся артистка местного театра (Нина Русланова), но она, оказывается, любит Ханина. Ханин во время операции по поимке «жуликов» ввязывается в дело, что ему строжайше запрещено, и его тяжело ранят. Выздоровев, он уезжает. Картина кончается. Вечеринка была прологом (а еще

один пролог — рассказ бывшего мальчика, ставшего дедушкой сегодня, — на мой взгляд, вообще не обязателен и, значит, в такой картине он лишний).

ГДЕ мы видели такое построение сюжета? Ну, например, в «Илиаде» не вся Троянская война, от яиц Леды и до пожара Трои, описывается, а только гнев Ахилла, необходимое и достаточное. Может быть, сравнение навеяно не только композиционным приемом, но и общим ощущением серьезности, доверия авторов к своему рассказу, важному для всех, доверия, которое хочется назвать эпичностью.

В результате мы знаем о Лапшине, как он любит, как дружит, как работает, как устроен его быт — в квартире, где все время кто-нибудь живет. Но не хочется называть Лапшина верным другом, рыцарственным возлюбленным, смелым и умным борцом за переустройство жизни, от слов он бы только поморщился, а между тем все так и есть.

Мы знаем много больше, чем можно выразить словами: степень жизнеподобия кинематографа выше, чем иных искусств, и тут она поднята до сегодняшнего предела. Камера быстро проходит по коридорам угрозыска, взгляды ее мгновенны, но резко схватывают главное, ритм очень напряженный, но деловой, будничной, не взвинченной, а за последним ее поворотом в дверь кабинета входит Лапшин. Понимаете? Мы побыли «в его шкуре», видели его жизнь его глазами — в считанные секунды экранного времени.

В кабинете (как и на вечеринке) камере тесно, здесь идет допрос, людям в кабинете не до нее, она удовлетворит свое и наше любопытство, взглянет в глаза допрашиваемому, но это произойдет не сразу, сначала мы, новички, по мелочам, по обрывкам реплик будем ловить смысл происходящего. Зато когда уловим, поверим безоговорочней, сами же все поняли, никто не объяснял (оператор Валерий Федосов, тот же, что снимал и «Двадцать дней без войны»).

Трудно зрителю с А. Мироновым. Мы ждем шуток, хохм, а перед нами боль. Миронов ли это? Да, и одна из самых точных, свежих его ролей. Вот такие они тут все. Вздорноватый, шумный, но простодушный и очень честный «жених», милиционер, живущий у Лапшина (Алексей Жарков). Папа с сыном, живущие тут же, из-за чего они поссорились, нам так и не говорят, но если отец (Александр Филиппенко) заявляет: «С сегодняшнего дня я перестал уважать тебя как личность!», — разве мы не улыбаемся такому строгому, самодетельному, трогательному воспитанию, мужскому и по суровости, и по неумелости?

СЮЖЕТ, как вы помните, пересказать недолго. Фильм — невозможно. В нем этих самых «деталей» — несчетное множество. И они ничуть не торопятся объявить, зачем они. Здесь есть особое бескорыстие деталей, которые только вместе, в сцеплении выполняют свое предназначение: покажут нам лицо времени, неповторимого, трудного, заставят нас полюбить его.

Впереди у таких, как Лапшин, — тяжелые испытания, война, например, но мы теперь лучше, яснее чувствуем, как и почему они победили.

В основе фильма, в основе сценария Э. Володарского — повести Юрия Германа, отца постановщика, посвященные милиционерам и чекистам. Может быть, не все в этом тайном соревновании кончилось успехом. Беллетризм, внимание к сюжету, да еще и полудетективному, столь ценному зрителем, тут ослаблены. Сюжет растворен во внимании к самому времени, к «погоде», к тому, как оно все могло быть на самом деле.

Но зато, может быть, здесь истоки главного выигрыша картины. Патриотизм, который тут ни разу не назван, но которым все дышит, — это любовь к стране отцов.

А. АРОНОВ.